

18+

Мария Климова

СЕДЬМАЯ ДЕВОЧКА НА СЕДЬМОЙ ВЕТОЧКЕ

Мария Климова

**Седьмая девочка
на седьмой веточке**

«Издательские решения»

Климова М.

Седьмая девочка на седьмой веточке / М. Климова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557957-7

«Грабли хороши только на даче, а в личной жизни они причиняют сплошное неудобство! Особенно, когда наступаешь на них регулярно, и они бьют в одно и то же место!» — голос Татьяны пробивался сквозь шум дождя и движения города. Перескакивая через огромные лужи, Нина кивала головой в такт словам подруги. Все это верно. И про грабли и про больное место.» Главной героине Нине придется пройти через каскад головокружительных и небезопасных событий, прежде чем она получит ответы на все свои вопросы.

ISBN 978-5-00-557957-7

© Климова М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Седьмая девочка на седьмой веточке

Мария Климова

Редактор Вадим Евгеньевич Коньков

Корректор Валерия Валерьевна Алутина

© Мария Климова, 2022

ISBN 978-5-0055-7957-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Грабли хороши только на даче, а в личной жизни они причиняют сплошное неудобство! Особенно, когда наступаешь на них регулярно, и они бьют в одно и то же место! – голос Татьяны пробивался сквозь шум дождя и движения города.

Перескакивая через огромные лужи, Нина кивала головой в такт словам подруги. Все это верно. И про грабли, и про больное место. Правый ботинок промок насквозь, а на левом порвался шнурок. Зонта с собой не было, он лежал на вешалке в прихожей, и не испытывал всей происходящей на улице непогоды. Также не испытывал никаких неприятностей кот Семен Семеныч, прекрасно проводивший свою жизнь между миской и диваном, изредка утруждая себя умыванием. Все остальное его время было отдано покою и наслаждению этой прекрасной жизнью, в которой его нежили, любили, кормили и опять нежили. Рассуждения Нины о невероятно счастливой жизни кота прервал вопрос.

– Заяц, ты уснула что ли?! Отзовииис!!! У нас все в силе? – Танькин голос ворвался в ухо и, кажется, проделал дыру где-то в области мозга.

Нина, сто раз уже успевшая покорить себя за безумную глупость, на которую сама себя и подвигла, наступив в очередную лужу, отрапортовала Таньке, придав своему голосу наигранную, оттого по-идиотски неестественную бодрость.

– Конечно, Танюша! Я уже подбегаю, буду, ну, максимум минут через пять!

«Черт, дернуло же меня ввязаться в эту авантюру. Впрочем, какая же это авантюра? Так, бестолковые надежды и попытки свалить ответственность за свою личную жизнь, положиться на рок судьбы, услышать знак свыше и следовать всем указаниям, полученным... От кого полученным?! От цыганки! И кто её в этом поддержал? Конечно же, лучшая и, в общем-то, единственная, подруга – Танька...» – думала Нина.

Тридцать. Именно столько лет она дружит с Танькой. Именно столько лет они друг друга знают, и не помнят себя порознь, и больше двадцати лет назад к ним и приклеилось прозвище «Ну, погоди». Специально не придумаешь, фамилия Нины – Зайцева, а Татьяны, как вы уже верно догадались – Волкова. По жизни они своим фамилиям соответствовали на все сто. Татьяна в свои тридцать лет рвала и метала по жизни. Управляла сетью вино-водочных магазинов, остервенело боролась с конкурентами, со свекровью, мужем, не желавшим трудиться, вороватыми работниками и всем миром в целом. Она запросто могла, не то что зарычать, но и вполне ощутимо покусать.

Нина же, напротив, работала в организации, которую если бы и упразднили, то никакого ощутимого дискомфорта население Земли, да что там Земли, население города, совершенно бы не ощутило. Организация гордо именовала себя длиннющим названием, но полезнее она от этого не становилась. «Центр социальной помощи семье и детям Ленинского района города Твери». Занимались тут тем, что строчили ответы то в отдел опеки, то в отдел по делам несовершеннолетних о проделанной работе с детьми и их безалаберными родителями. Кто по пьяному делу ребенка трехлетнего на улице оставит, кто не желает его кормить, поить, одевать, а кто и вообще решает, что ребенок это слишком ответственно, да и дорого, и пусть уж лучше государство его воспитает. Вот.

Но справедливости ради не только родители бедокурили, но и детки-конфетки попадались разные. Те, что постарше, лет тринадцати-пятнадцати, все больше по своей пытливой подростковой натуре пробовали пить, все что горит, нюхать, все что вдыхается и курить, всё, что можно поджечь. На этом они и попадались с немыслимой регулярностью различным «бдящим» органам. А уж эти органы, сцапав очередного естествоиспытателя новых ощущений, отправляли дальше информацию по инстанциям, чтоб каждый мог почувствовать в себе педагога и наставника и вразумить глупого недоросля, что «негоже в себя толкать всякую гадость»,

«а вам товарищи родители, надо быть внимательнее к своему драгоценному отпрыску и к друзьям, его окружающим».

В двух словах вся работа сводилась к тому, чтобы всеми правдами и неправдами пригласить набедокурившую семью в «Центр Семья», прочитать нотацию о том, как надо жить, чтобы не попадать в поле зрения различных инстанций, а затем предложить семье услуги: консультацию вечно аморфного психолога, замороженного больше своими личными проблемами, нежели клиентскими, и занятия в тренажерном зале, который помог организовать районный депутат в период предвыборного припадка. С барского плеча организация получила шесть спортивных тренажеров, которые депутат хотел выбросить, но вовремя опомнился и отдал на благо безнадзорным и беспризорным детям, за что ему были вечно благодарны. И обязаны, разумеется. Еще одна услуга – «гуманитарка». Не подумайте, что это теплые одеяла, остро необходимые медицинские препараты и продукты питания. Нет, это все то, что населению жаль было выкинуть из своих квартир на помойку. Поэтому десятиметровое помещение «гуманитарки» вполне могло вызвать зависть у киношников, которые снимают ленту о конце 50-х, 60-х годов. От атласных бюстгалтеров с заплатами, превышающими размер самих бюстгалтеров, до пальто с каракулевым воротничком. Вот таким нехитрым арсеналом услуг располагал «Центр социальной помощи семье и детям Ленинского района города Твери», призванный победить всю беспризорность и безнадзорность на вверенной ему территории. Догнать и причинить добро! – можно сказать, что это и было миссией организации.

Там Заяц и прыгала между вечно недовольным директором Иннокентием Харитоновичем, вредность которого была сравнима лишь с женщиной в период климакса, и провинившимся перед законом гражданами, которые то и дело норовили послать в такие дали, что возвращаться оттуда устанешь. Из неоспоримых плюсов работы – коллектив девчонок-энтузиасток, которые, как и Нина, верили в пользу своей работы и старались выполнять ее максимально добросовестно. Дружба против директора тоже влияла на сплоченность трудового коллектива лучше всяких психологических тренингов. Бурные обсуждения его прически, которая вставала дыбом, слюней, летевших на стол во время разбора полетов на ежедневной планерке, или фото Путина В. В. в генеральском мундире на столе, с которым, как он считал, очень похож внешне: все это делало их одним общим и одним целым организмом. Ведь всем известно, что ничто так не сплачивает женский коллектив, как дружба против директора и обсуждение отношений полов. О личной жизни все делились с охотой и максимальным откровением. Потому как личной жизни толком ни у кого и не было.

Например, Нинина тягомотина тянулась вот уже целых три года. И ни туда и ни сюда... Надо было бы решить все. Но как-то то ли сил не хватало, то ли духа? Неожиданно добавили силы прошедшие выходные. Случайно перепутав одинаковые телефонные аппараты свой и его, Ниночка прочитала смс о нежных чувствах и нежных воспоминаниях от некой Светы, которая точно не являлась его сестрой, как пытался уверить ее кавалер, а как впоследствии оказалось банально была еще одной дамой сердца. В дамах явно был перебор, становиться одной из череды зайчиков, солнышек, пусиков не хотелось. Перспективы перейти на другую ступень отношений развалились, как и трехгодичные отношения. Это были уже третьи «грабли» Нины, первые она отправила на помойку отношений пять лет назад, но, как оказалось, нашла вполне подходящие замены.

«Что ж, пора бы освоить и более полезные инструменты труда, и не такие болезненные? Только где их взять-то? На дороге не валяются...»

Все началось с того, что неделю назад в работу к Нине попало очередное письмо-кляуза из органов МВД. Сообщалось, что некая семья Миклаускайте (молдавские цыгане), там-то проживающие, гражданства российского не имеющие, жилья своего, естественно, тоже, а доходы получают исконно цыганским ремеслом – предреканием светлого, ну или не очень светлого будущего всем желающим. Воспитанием и содержанием своих детей не занимаются.

Все бы могло сложиться отлично у привокзального табора, но злой рок настиг несчастную семью в виде Клавдии Петровны, педагога высшей квалификационной категории, которая являлась классным руководителем одного из многочисленных детишек цыганской семьи. Проблема была в том, что придя в школу, у Микаласа не оказалось некоторых, так необходимых школьнику принадлежностей, из чего классный руководитель мгновенно сделала вывод, что о ребенке никто не заботится, он всеми покинут и напрочь забыт. Разумеется, она сочла своим долгом оповестить об этом «ужасном» инциденте все органы, призванные бороться с родителями-негодяями. По какому-то немыслимому принципу межведомственного взаимодействия структуры, занимающиеся семьями и детьми, должны были написать письма друг другу, а самое главное, сигнализировать в «Центр Семья», у которого из всех активных мер воздействия на шаляй-валяйные семьи был один чахлый психолог да бесконечные занудные разговоры. Короче, вся надежда в этой ситуации была на специалиста по социальной работе, коим и являлась Нина.

Обязанности были нехитрые – прочитать письмецо, записать адрес и прийти по этому адресу, не забыв прихватить для пущего устрашения коллегу, мощную и дородную в целых пятьдесят семь килограмм веса, супротив пятидесяти двух Ниночкиных, такую же опытную и совершенно бесстрашную Ксюшу Сидоренко. Напарник был необходим по достаточно простой причине. Нет, не для того, чтобы протоколировать беседу с провинившимся семейством, а, как любили говорить на работе, чтобы второй, в случае чего, мог в деталях объяснить полиции, что же произошло на самом деле. Но шутки шутками, а никто не встречал специалистов хлебом-солью, часто предлагали выпить горячительного совершенно неясного происхождения, а еще чаще отправиться туда, откуда появились на свет. Но, как говорится, долг превыше всего, труба зовет!

Оказавшись на нужной улице и отыскав скособоченный дом, два отважных специалиста, усилием воли победив в себе немедленное желание убежать, решительным шагом подошли к прогнившим, болтающимся только на честном слове воротам. Нервно похихикивая и подшучивая друг над другом, что, скорее всего, их утащат в цыганский табор, и придется им остаток жизни молодым и красивым кочевать по полям и лесам, петь песни, носить цветастые юбки и выучиться-таки игре на гитаре, позвонили в то, что осталось от звонка.

– Ну что, похоже, вся семья на заработках, – констатировала Ксюша, не скрывая облегчения.

– Придется выписывать приглашение в нашу богадельню! И ведь явно не придут, и не потому, что проигнорируют, а как Ивановы: потому что читать не умеют! – с сожалением в голосе ответила Нина.

– Будем надеяться, что их Микаулаус, или как там его, уже освоил чтение, и сумеет пояснить своей мамаше, куда надо прийти, – ворчала Ксюня, прикусив, колпачок от ручки, и торопливо выписывая приглашение в «Центр Семья».

Пока они возились с приглашениями, обсуждали время и дату, из соседнего дома вышла женщина средних лет в ситцевом застиранном халате и галошах на босу ногу. Обдав девушек смесью из перегара и квашеной капусты, дама поинтересовалась, не к гадалке ли они пришли и «чего вообще здесь трутся»?

– Здравствуйте! Давно вы семью Миклаускайте знаете? – поинтересовалась вместо ответа Татьяна, демонстрируя удостоверение, которое на всех мутных личностей производило отрезвляющее впечатление, и все как один признавали его за полицейские корочки, что здорово облегчало жизнь.

– А черт их знает, – невпопад ответила женщина, почесав голову.

– Приехали, может, полгода назад, может, год. Знаю, что дамочки по вечерам сюда разные прибегают, а кто и на машинах приезжают погадать. Ребят у них полно: то ли шесть, то ли семь. Мужик ейный, то придет, то уйдет, но чаще она его сама выгоняет, алкаш он, непутевый.

А так Адка баба нормальная, рублишек может в долг дать, не жадная, а уж чьи и кого дети – не разобрать. А че натворила-то она, а?

– Ничего. Спасибо вам за информацию, – поспешно протараторила Ксюша и, взяв под локоть Нину, пошла прочь.

– Ну, все, завтра ждем в гости табор с песнями и плясками, будут просить позолотить ручку и предлагать погадать на судьбу, на любовь и дорогу, все расскажут, что на сердце, что на душе, о том, что было, и о том, что будет! – неожиданно для самой себя развеселилась Нина, лукаво подмигнула Ксюшке и бодро зашагала по грязной дороге, изредка окаймленной чахлой травой.

Глава 2

– Красавица, где мне Нину найти? – в кабинет просунулась полноватая смуглая женщина с черными кудрями, замотанными в пучок, и прикрытыми зеленым платком. Глаза посетительницы, казалось, на автомате обшаривают стол и полки на предмет ценностей. Одета она была в пестрое платье и почему-то осенние сапоги, хотя на улице было начало мая, погода уже не требовала от жителей Твери утеплять ноги так радикально.

– Здравствуйте, я Нина! А вы – мама Миколаса Миклоускайте? – скорее утвердительно спросила Нина.

– Да, а чего он натворил, красавица? Мы не ворует, наркотой не торгуем, живем, никому не мешаем, чего надо-то от нас, а? – без злобы спросила цыганка, с каким-то задором и усмешкой уставившись на Нину.

– Как вас зовут? Как я могу к вам обращаться? – поинтересовалась Нина, оттягивая время и мысленно прикидывая, как ей выстроить беседу, чтобы не вызвать вековые проклятья из цыганских уст, которые будут преследовать ее до пятого колена.

– Меня-то? Меня Адой называй! – также задорно продолжала вошедшая.

«Что ж, прямо в лоб ее огорошить, что пришла информация из полиции? Нельзя. Разнесет тут все к чертовой матери, а девчонки, уехавшие на семинар „Семья, как источник вдохновения“, найдут мои останки, скорее всего, вот в этом самом маленьком ящичке стола. А я от них так и не узнаю, как же полной ложкой черпать из семьи вдохновение, а не только проблемы?» – думала Нина.

Размышляя, Нина и не заметила, как гостья из Молдавии подседа на соседний стул и стала выжидательно на нее поглядывать.

– Уважаемая Ада, к нам поступила информация, что у Миколаса нет школьных принадлежностей, – начала аккуратно Нина, одновременно поглядывая на реакцию Ады.

Цыганка быстро поднялась со стула, открыла дверь, и, прокричав в коридор несколько фраз на незнакомом языке, улыбнулась Нине самой доброжелательной улыбкой из своего арсенала. В комнату вошел красивый мальчишка лет двенадцати, чуть прихрамывая, и, обходя мебель в кабинете, встал около матери. Глаза также хитро поблескивали; и никакого намека на угрюмость, или присущую подросткам показушную смелость.

– Здравсти! – улыбнувшись, сказал Миколас.

Цыганка, расправив на коленях юбку, поправив волосы, неспешно начала рассказ.

– Летом все малые мои работали: кто посильнее и постарше – металлолом искали, а мелкие – они все больше бумагу да бутылки собирали, чтобы сдавать, все в приемку тащили. Работа у них такая, понимаешь? У Миколаса ноги больные, забыла, как болезнь звать, толи ЦПТ, то ли ДЦП, короче, ходить он маленький не мог, а потом ничего, врач в Молдове лечил, лучше стало, но хромой остался. Он у меня помощник, мужик всё-таки. Целое лето собирали, портфели купили мелким, книжки, а Миколасу пока не на что, но скоро купим, пусть не переживают. Знаю я, что учительница его настучала, он мне не раз говорила, чтоб я их в приют сдала, говорит, легче будет. А я ей говорю, кому легче? Объясняю ей, что не сдаем мы, цыгане, детей в детские дома, мы чужого запросто воспитаем, не то, что своего отдадим. Не принято так у нас, дети это дар, а даром раскидываться – только Бога гневить.

Что в тот день произошло с Ниной, она до сих пор для себя четко определить не сумела. Возможно, была геомагнитная буря, или звезды по-особенному встали, но помимо ее воли с языка стали слетать фразы одна неожиданной другой.

– А вы, Ада, значит, гадалкой работаете, будущее предсказываете? Может, погадайте мне?

Цыганка весело рассмеялась, а от души насмеявшись, серьезно сказала: «Нет, я не гадаю. Я лохов у вокзала на деньги развожу. А ты, если правду узнать хочешь, приходи к моей сестре Еве, вот она по-настоящему гадает! Придешь?».

– А давайте! – выкрикнула с азартом Нина, как будто ее спросили, не хочет ли она пару миллионов долларов просто так.

– Вечером приходи, с собой колоду карт принеси новую, Ева всегда дома. Ну, так мы пойдем? А то сейчас народ с рейсовых автобусов повалит, всего заработка лишусь, а Миколке еще дрова колоть, – спокойно сказала Ада.

– Конечно... Ты подожди в коридоре, я сейчас к нашему завхозу Галине Васильевне бегаю, у нее должны были остаться канцтовары, которые как благотворительность проходят, чего-нибудь попрошу вам выделить, – говорила Нина, закрывая дверь, и почему-то от этого действия испытывая неловкость. «Глупости, – думала Нина, – дверь я всегда закрываю, и не важно, кто к нам приходит».

Ада же, напротив, выглядела спокойной, и как будто бы вся эта суета вокруг нее была делом обычным и привычным.

– Галвасильна, что у нас из благотворительных канцтоваров осталось? – чуть запыхавшись от своей торопливости и суеты, спросила Нина.

– А, посмотри к коробке в углу, все, что найдешь – забирай. Всё равно ни Богу свечка, ни черту кочерга, – философски протянула Галина Васильевна.

Наспех положив в пакет пачку тетрадей, альбомы для рисования и прочие принадлежности, и сказав завхозу, что сама потом все спишет, Нина поспешила в коридор. Цыганка с мальчишкой по-прежнему стояли у двери.

– Держи, что осталось. Перед сентябрем многодетным раздали, – почему-то смущенно сказала Нина, вручая пакет.

– Спасибо, красавица, дай Бог тебе всего! А к Еве ты приходи, она не обманет! – и, подмигнув на прощанье, Ада с Миколасом неспешно отправились к выходу.

Глава 3

Уже подходя к дому Миклаускайте, Нина в очередной раз удивилась своим действиям. «И чего мне в голову взбрело, что цыганка сможет расставить все в моей жизни на места? Господи, меня же все родственники и друзья всю жизнь считают рассудительной и адекватной, по разным вопросам советуются, в пример там кому-то ставят. Нет, точно, Танька права, это все грабли виноваты, которые мне по голове регулярно бьют. Иначе, чем можно объяснить, что наврала на работе с три короба, чтоб пораньше убежать, и тороплюсь к гадалке? Чего я ей сейчас скажу? Снимите порчу, а то все мои мужики с левой резьбой, наверное, из-за этого? Конечно. Точно из-за порчи! Вон как на меня соседка из 32 квартиры смотрит, как пить дать, нашептала! Ага, а еще, конечно, попрошу погадать на суженого!» – думала Нина.

– О! Нинка, а я тебе набираю! Пошли, а то все ляжки застужу себе, пока дожидаясь. Ты все купила? – на ходу проговорила Татьяна.

– Ага! Колоду карт новую, свечку... Слушай, Тань, может не пойдем?

– Не трусь, заяц, мы...

Договорить Татьяна не успела, прогнившая дверь распахнулась, показалась цыганка.

– Ты – Нина?

– Да. Это я вам вчера звонила.

– Заходите в дом. Обувь в сенях снимайте, одежду на гвоздь повесьте. Все, что принести тебе велела, давай! – забрав пакет, Ева зашла в дом.

– Нин, ты обратила внимание на ее глаза, они же синие! Слушай, а фигура? Да с ее фигурой за девочку двадцатилетнюю сойти можно. Вон, талия сантиметров шестьдесят... А ведь ей хорошо за сорок, не меньше. А я на диетах, да на диетах, а все равно прет в разные стороны! – рассуждала Татьяна, отчаянно дергая молнию у ботинка.

– Тань, да нормальная у тебя фигура!

– Хорошо тебе говорить! Всю жизнь, сколько тебя знаю, в подростковых отделах вещи покупаешь. А я уже с пятидесятого на пятьдесят второй перешла. Слушай! Это ж Светлана Игоревна виновата, свекруха моя, наверное, на меня порчу наводит. Точно, а я думаю, чего меня распирает!

Хихикая и переговариваясь, подруги зашли в комнату, где их ожидала Ева.

Замаявшись, как семиклассницы перед чем-то запретным, но желанным, Нина с Татьяной остановились в дверях.

– Садитесь на диван, чего в дверях встали?

Подруги прошли к продавленному, но застеленному чистым покрывалом дивану.

– На что погадать тебе? На жениха, на удачу, на любовь? Или, может, судьбу наперед знать хочешь, а? – Ева рассматривала свое кольцо с черным камнем. – Решила?

Синие глаза цыганки на мгновение стали черными, камень в ее кольце поймал блик лампочки, создалось впечатление, что в комнате появился кто-то еще. Нина поглубже вдохнула, как будто собралась нырять, откинула со лба челку, и быстро проговорила, на выдохе.

– Я хочу знать все, что ждет меня в ближайшем будущем!

– Хорошо. Сними карты с колоды к себе. Когда буду раскладывать – обе молчите, спрашивать будете, когда разрешу. Все поняли? – часто закивав головами, подруги, как замороженные, усталились на танец рук Евы.

Одна за другой карты падали на стол. Короли, дамы, шестерки, разные масти, все выстраивались в узор на скатерти. Кольцо на пальце Евы блестело, казалось, что камень уже не черный, а красный, в тот же миг он менял цвет на глубокий синий и вновь становился черным. Кажется, что прошел час, а может и полдня. Время как будто запуталось и не знало, в какую сторону ему двигаться. Наконец, руки цыганки остановились. Ева молча, не мигая, смотрела

на карты, казалось, что она не здесь. Татьяна с Ниной ошарашенно смотрели поочередно то на карты, то на гадалку, боясь пошевелиться. Ева, закрыв глаза и тяжело выдохнув, убрала со лба волосы, медленно заговорила.

– Я давно не видела, чтобы карты столько рассказывали. Они тебя ждали...

Нина силой воли остановила порыв засыпать Еву вопросами. Сильно сжав край платья, приготовилась слушать. Внутри что-то задрожало, сердце стучало быстро-быстро, как у зайца, но даже мысленно не смогла заставить себя улыбнуться. «Ничего хорошего меня не ждет. Или наоборот все будет лучше некуда» – подумала Нина. Две противоречивые мысли сели на скамеечку рядом и приготовились слушать.

– Скоро в доме найдешь послание, которое от тебя скрыто было, но которое твою жизнь перевернет. В тебе бьется два сердца. И жить тебе на две жизни. Не бойся отпустить, что не твое, не жалея о том, что вскоре сделаешь. О второй жизни узнаешь совсем скоро, её уже принесли, – проговорив пророчество, глядя в окно, Ева потянулась к сигаретам. Чиркнула спичкой, сделала глубокую затяжку, выдохнула и только тогда посмотрела на девушек. Остановив взгляд на Нине, медленно сказала:

– Ты давно живешь не своей жизнью. А раз так, то и радость тебя обходит. Дело, которым ты занимаешься, тебя счастливой не делает, хоть ты и стараешься. Не по судьбе. Свою судьбу от тебя скрыли за семью ветками. По рождению ты сильнее, чем сама себе кажешься. Другая у тебя жизнь должна быть, но ты перестала сердце слушать, только разум над тобой, а это не верно. Я все сказала. Теперь можешь спрашивать.

Нине показалось, что она на какой-то передаче, где мистика во главе угла. А сама она – героиня, которая увязла в проблемах, которых, в общем-то, и нет.

– А чем мне надо заниматься, если эта работа не по судьбе? Чего я забыла? – растерянно сказала Нина.

– Вспоминай. О чем в детстве мечтала? Куда тебя тянуло?

– Ну, дрессировщицей тигров хотела стать, врачом... Ааа!!! Балериной еще! И актрисой! – перебирая в голове профессии, Нина сама удивилась, как же легко она все вспомнила.

– А кем стала? – цыганка внимательно посмотрела на Нину.

– Кем?... Да никем! – с облегчением отозвалась Нина, и почему-то улыбнулась, хотя ответ никакой радости не навевал.

– Вот и первый камень упал с души! – гадалка улыбнулась в ответ.

– Да какая же из меня дрессировщица и актриса с балериной в тридцать лет выйдет?

– Так ты в и десять лет не думала, что с пьянью работать будешь, ну так работаешь ведь, – спокойно отозвалась гадалка.

– Работаю... – задумчиво пробормотала Зайцева.

В растерянности глядя на свои руки, Нина впервые за полчаса подумала, что разговор с цыганкой, похоже, дал больше ответов и пищи для размышлений, чем все тренинги и консультации психологов за весь год вместе взятые. «Может пригласить ее к нам в „Центр Семья“ работать на место нашей амебы-психологини?» – родилась мысль.

– Хорошо, если про работу я поняла, хотя нет, ничего я не поняла, и о двух жизнях мне ничего не ясно. Как это понять? – Нина пыталась выстроить логическую цепочку.

– Её уже принесли.

– А полюбить, почему я не могу? – так и не поняв предыдущий ответ.

– Сказала же я тебе, страх тебя съедает, боишься ты чувств. Своих чувств. Думаешь, что обманут тебя, как было уже однажды в твоей жизни. Оттого и встречаешь пустышек, которых ни наполнить, ни выпить нельзя. – Кольцо на пальце Евы вновь стало синим. – Жизни ты боишься больше всего. Смотри, не послушаешь сердце, маяться тебе всю жизнь. Все, ничего больше тебе не скажу, дальше сама решай, как быть.

– Спасибо. Сколько я должна? – Нина потянулась к сумке.

– Сейчас ничего не возьму. Но как только твоя судьба изменится, принесешь мне подарок, какой я заслужу. Тебе тоже судьбу узнать? – гадалка перевела взгляд на Татьяну.

– Да.

– Тебе карты ничего не скажут, по рукам смотреть буду. Чего сидишь, подходи ко мне, если не боишься? – Ева неспешно достала табурет из-под стола и похлопала ладонью по сиденью. Татьяна, переложив сумку на диван пошла, как-то непривычно робко и нерешительно.

– Боится что ли? – подумала Нина.

– Да, и за тобой страх ходит, правильно твоя подруга подумала! – гадалка с усмешкой взглянула на Татьяну, в ее черных глазах плясали, да что там плясали: черти устроили настоящую вакханалию. – Клади руки на стол.

И опять в комнате стало происходить что-то непонятное. Как будто тень мелькнула из угла в угол, создавая ощущение присутствия кого-то в помещении. Кольцо Евы стало переливаться от аквамаринового до антрацитового. Что-то заскрипело в сенях, и чуть заметно качнулись занавески на окнах. Нина, не отрывая взгляда, смотрела на Еву, в который раз укорив себя за допущенную ею слабость поддаться соблазну узнать будущее. Сейчас её даже не удивили слова гадалки, прочитавшей её мысли.

– Левая рука – то, что человеку предначертано, правая – то, как ты свою жизнь проживаешь. Видишь, они совсем у тебя разные. Предначертан тебе второй брак, но ты за этот держишься, хоть там тебя и не любят, а лишь используют. А вот линия удачи, да такая четкая, как у тебя – это редкость. Линия жизни прервана несколько раз – будут большие трудности, но все придет к тебе через твою работу и твое усердие. Не бросай начатое, даже если совсем тяжело будет. Скоро получишь шанс все в жизни изменить, не бойся, два ангела-хранителя у тебя на руке, они и помогут. Я все тебе рассказала, что вижу, а как быть решай сама. Расплатишься так же, как и подруга твоя, сейчас ничего с тебя не возьму. Хотя, за тебя уже всё решили...

Медленно встав, Нина посмотрела на подругу, которая промолчала рекордные для нее тридцать минут. Татьяна поднялась вслед за ней и, как будто стряхнув оцепенение, пошла в сени. Молча одевшись, подруги вышли на улицу, где моросил мелкий дождь. Встав около ворот, они никак не могли начать разговор. У каждой из них внутри происходили какие-то непонятные движения, шли внутренние диалоги. Казалось, так они простояли целую вечность, пока Нина первой не потянула подругу к машине.

Глава 4

Оказавшись в холодной машине, они впервые посмотрели друг на друга.

– Тань, слушай, у меня ощущение, что я не к гадалке сходила, а вагоны разгружала, причем весь день. – Нина зябко поежилась.

Не отвечая подруге, Таня перегнулась через сиденье, и в руках у нее оказался термос и два пластиковых стаканчика.

– Давай горячего глотнем. Я чего-то тоже никак отойти не могу. – Татьяна наливала чай, стараясь унять внутреннюю дрожь. «Какие две жизни? Какая из меня балерина или дрессировщица? Дернул меня черт за язык, захотелось, видите ли, судьбу узнать. Дура! Услышала сто загадок, да все без отгадок. Чего я не знала? Что не на своём месте сижу, что не свою жизнь проживаю, что любить себе не разрешаю, потому что боюсь, что опять все повторится! Все ты, милая моя, знала, просто вот так в лоб слышать этого не хотела, и нечего на правду злиться» – горячий чай понемногу начал приводить Нину в чувства.

– Тань, подкинь меня до дома. Честно слово, сил нет на автобус идти.

– Могла бы и не говорить, само собой, подвезу, – машина заурчала и медленно тронулась с места. Краем глаза Татьяна увидела, что цыганка, все это время наблюдавшая за ними из-за шторы, отошла от окна.

Всю дорогу в машине висело молчание, каждая думала о своем. Не хотелось залезать в душу друг к другу, да и пускать в свою тоже. Уже подъезжая к дому, Нина вдруг подумала, что ей ужасно жаль Татьяну, которая слышала такие очевидные для других и незаметные ей самой вещи о том, что муж ее не любит, а только пользуется всем готовым.

– Спасибо, Танюш, что подвезла. Зайдешь?

– Нет, что-то голова разболелась, домой поеду. Завтра созвонимся, хорошо? – то ли Нине показалось, то ли правда, но Татьяна старалась не смотреть на подругу.

– Конечно!

Перешагивая через лужи, в которых Нина ловила свое искаженное отражение, она добралась до подъезда. Пошарив в сумочке, и на ощупь найдя брелок в виде собачки, достала ключи. На автомате посмотрела в почтовый ящик, с удивлением обнаружила письмо, но никаких сил рассматривать или читать его не было. «Скорее всего, очередная реклама» – подумала Нина. Открыв дверь квартиры, и по привычке посмотрев вниз (как бы не выбежал кот), прошла в темную прихожую, привычным движением нащупав выключатель, зажгла свет. Семен Семеныч сонно зажмурился от яркого света, весь его вид говорил о недовольстве и недоумении, а на морде читался вопрос: «Кто же это так бесцеремонно прервал мой сон?».

– Ничего, Семен, ночью отоспишься! – поглядывая на кота, Нина снимала промокшие, да так и не высохшие ботинки. – Поговорить мне не с кем, так что Семен, придется тебе меня выслушать!

Включив в комнате торшер и открыв шкаф, Нина начала снимать с себя надоевшую за день одежду. Поймав в зеркале отражение, и мимолетно отметив, что к великому удивлению ей нравится своя внешность, отчего-то вдруг захотелось себя рассмотреть. Вот так, как поется в песне у Бутусова «без одежды и стыда».

– Странно, я так устала, а мне хочется собой любоваться, как будто со стороны себя вижу, как будто в первый раз заметила хрупкость плеч, белую, нет, молочную кожу с редкими веснушками, тонкие щиколотки и запястья. А волосы? Неужели у них всегда был этот медово-рыжий оттенок? Хитрый прищур коньячных глаз... Да я всегда считала, что у меня они самые обычные, карие. Наваждение какое-то, не иначе. Мама всегда сетовала на то, что я не краса-

вица, но я с этим смирилась и даже приняла... Глупости. Вот же я. Я настоящая... – думала Нина.

– Мяу! – требовательно прервал Семен акт самолюбования и самореабилитации, как будто желая сказать, что неплохо бы вернуться на землю и заняться ее прямыми обязанностями по обслуживанию драгоценного кота.

– Да, мой хороший, сейчас я тобой займусь, только в душ сбегаю! – Нина, прихватив махровый халатик, отправилась в ванную.

Встав под горячие струи воды, и ощутив, как приятное тепло начинает путешествовать по ее телу, а мыло с апельсиновым маслом приятно скользит по коже, она наконец-то почувствовала расслабление. Согревшись и смыв всю усталость дня, Нина прошла на кухню, где ее уже поджидал, сидя на табуретке, Семен. Включив чайник, она достала из холодильника сваренную еще с утра курицу для кота и тут же поняла, что кроме помидорки и чахлого пучка укропа на полках ничего нет.

– С этими предсказаниями я совсем забыла зайти в магазин! Так что придется, друг мой любезный Семен, делиться тебе со мной своим ужином! – кот недовольно посмотрел на свою безалаберную хозяйку, но ничего не ответил, а лишь, совершенно по-человечески вздохнув, пересел к кормушке.

Поеживав, Нина заварила себе чай с чабрецом, добавила ложку меда и, прихватив кота, отправилась в комнату. По пути она заметила брошенное на трюмо письмо. Отпустив сытого амёбно висящего кота, взяла конверт.

– Ну что, Семен, почитаем, какой банк нам предлагает оформить супер выгодный кредит на классных условиях? – не дождавшись ответа от кота, Нина стала открывать конверт.

Татьяна зашла в квартиру. Муж, как всегда сидевший в комнате за компьютером, даже не попытался ее встретить, да, похоже, и вообще сделал вид, что не слышит ничего. Снимала сапожки, а в голове все крутились предсказания Евы. Если уж быть совсем честной, то и не только предсказания, но и очевидные факты того, что мужу она не нужна, и не любит он ее. Повесив куртку на плечики, она постаралась незамеченной пройти в спальню. Сегодня ей совсем не хотелось разговаривать ни с мужем, ни со свекровью, которой по счастью не оказалась дома. «Села на метлу, и унеслась на шабаш, наверное» – зло подумала она. Оказавшись в комнате, скидывая с себя одежду, она поймала себя на мысли, что старается поймать свое отражение в зеркале. Не то чтобы она не смотрела на себя в зеркала, нет, смотрела. И макияж наложить, и укладку сделать, и просто мимоходом глянуть. Но все это как-то торопливо, для галочки, без удовольствия. А сейчас её так и манило подойти к зеркалу и увидеть, рассмотреть себя такую, какая она есть, со всеми недостатками и достоинствами. Особенно захотелось увидеть достоинства. Присмотреться к ним. Прислушавшись, не собирается ли разлюбезный муженек прийти в комнату и, убедившись, что он занят увлекательным виртуальным миром, Татьяна повернулась к зеркалу: «Хорошо чертовка! Да, может, на чей-то вкус и полновата, но ведь на вкус и цвет... Другие грудь себе пришивают, а у меня своя четвертого размера, бедра как у Дженифер Лопез, а талия тооненькая! Волосы блестят, и не потому что „Лондой“ крашу, а свои – густые, черные и переливаются, как крыло у ворона. Глаза и вовсе на два зеленых камушка похожи, тех, что на побережье водой оmyвает, тот же блеск и влажность, и чертики, и огоньки. Господи, как же я себя давно не видела, какая я оказывается... Не знаю какая. А что я вообще о себе знаю?» С непонятной для себя злостью Татьяна, захлопывая дверку шкафа, в очередной раз удивилась вконец обнаглевшему мужу и даже успела поселить в себе росточек волнения, все ли у него в порядке.

– Ты решил меня полностью игнорировать? – решительно открывая дверь комнаты, проговорила Татьяна.

– Нет, котик, ну что ты? Как я мог?! Просто немножко задумался... – маленькие глазки Анатолия быстро забежали по комнате, а голос звучал то ли грустно, то ли растерянно.

– Задумался?! На тебя это вообще-то не похоже! О чем тебе думать? О том, как из комнаты до кухни дойти? Или какую рубашку надеть для прогулки в парке? – Татьяна стала переставлять предметы на столе с места на место, хотя это и не имело никакого смысла.

– Ну что ты сердишься, котик? Танюшик, я думал о том, где взять денег, – глаза Толи сфокусировались на Татьяне.

– А что, шкатулка пуста?! Я же вчера туда пятьдесят тысяч положила! – севшим голосом пролепетала Татьяна, соображая, на какую очередную хрень ее разлюбезный муженек и его мамаша потратились в этот раз.

– Нет, что ты, солнышко, деньги я не трогал! Я не правильно выразился...

– Да, мать твою, выражайся яснее, что случилось?

Признание мужа, о неприкосновенности денег подействовали на Татьяну примерно так же, как если бы сейчас на ее глазах из шкафа вылезла Баба-Яга и предложила ей купить пять соток заболоченного леса.

– Ты только не расстраивайся, пусенька! Я тут решил тебе помочь и сделать свой вклад в семейный бюджет. Зашел на проверенный очень солидный сайт, где гарантировали мгновенный заработок, ну я и решил, что возможно... В общем, там надо было дать согласие, что я принимаю их условия, я подписал. Все нормально сначала было, даже полторы тысячи заработал, честно... А потом оказалось, что я им должен полтора миллиона. Зая, ты не переживай, я заработаю, вот увидишь...

Татьяне показалось, что если бы прямо сейчас ей на голову опустили топор, то она ничего и не заметила, а спокойно встала и пошла бы заниматься своими домашними делами.

– Полтора миллиона?! – чашка выпала из рук Татьяны и разбилась на мелкие осколки.

– Да, пусенька, но ты... – Толя не успел договорить.

– А каким образом ты принял условия их контракта, ты сказал, что подписал его? – севшим голосом проговорила Таня.

– Электронная подпись... – замямлил Толя.

– Ты взял МОЮ электронную подпись?! – ожидания Татьяны подтвердились, ей показалось, что она физически почувствовала, как все полтора миллиона, разменянные по рублю и расфасованные в мешки, стали падать ей на голову один за другим.

– То есть получается, что это я должна полтора ляма? – в ужасе проговорила Татьяна, скорее самой себе, чем мужу.

– Ну что ты, мы же семья, как ты так можешь говорить! Мы вместе все выплатим, я же не брошу тебя, обязательно что-нибудь придумаю!

– Спасибо, придумал уже! Видимо, за те пять лет, что ты не работаешь, ты отвык не только работать, но и думать! – сверкнув глазами, Татьяна выбежала из комнаты, не забыв, как следует, садануть дверью.

Оказавшись на кухне, стараясь унять сердцебиение и головную боль одновременно, стала размышлять, что лучше принять – стакан коньяка или два стакана валерьянки? Выбор в данный момент показался ей очевидным и, наполнив до краев первую попавшуюся кружку, опрокинула в себя коньяк. Казалось, что выпей она сейчас бензин или одеколон, вкус бы ощутить ей все равно не удалось.

Опустившись на стул и пошарив в ящике стола, Татьяна нашла пачку сигарет и зажигалку. «Три месяца не курила, и столько же не пила, я ведь беременность планировала, его на анализы записала, сама проверяюсь, лечусь. А это важно сейчас?» – мысли шли чередой, и, казалось, что они как маленькие вагончики поезда, пробегают мимо, непонятно куда деваясь.

Утро началось с гневного звонка начальства. Татьянин директор – Тимур Рафикович, был сегодня просто на пике ярости. Догадаться об этом можно было по количеству мата в его речи. В повседневной жизни нецензурная лексика шла в его речи через слово, но на данный момент речь состояла исключительно из мата, причем не только русского.

– Хорошо, Тимур Рафикович, я обязательно подъеду в магазин и разберусь с недостатками! – Татьяна придала голосу максимум спокойствия.

– ...!,! – проорало в трубку разлюбленное начальство и отсоединилось.

– Ничего себе утро начинается, я еще вчерашние события никак не переварю, что-то не получается вжиться в образ миллионерши с миллионными долгами» – по пути рассуждая и схватив ключи от машины, она выскочила из квартиры.

Ооо, если бы Татьяна могла материться так же, как умеет ее начальство, она непременно бы этим воспользовалась. Прибыв в магазин на Советскую, и просмотрев с бухгалтером все отчетные документы, ей захотелось выпить не один стакан коньяка залпом, а как минимум бутылку. Прямо из горлышка. Да, прямо сейчас. Из всех отчетов выходило, что она за своей подписью перевела неизвестному лицу сумму в размере двух миллионов рублей. А из этого, в свою очередь, выходило, что она, как ответственное лицо, должна возместить всю сумму. А если она не сможет возместить, то... Небо в клеточку, друзья в полосочку.

– Света Михайловна, как же так-то?! Я же каждый месяц все проверяла! Все было в порядке. И коллектив я сама сюда подбирала, все девчонки честные, даже справки об отсутствии судимости спросила... Ну ладно, семь-восемь бутылок пропадет, без этого никак, все-таки грузчики народ такой. Но воровать у самой себя! – Татьяна в запале сломала карандаш, очень кстати попавшийся под руку.

– Татьяна Петровна, ты не расстраивайся, разберемся, может что-то где-то упустили... – мямлила главбух, отводя глаза в сторону.

– Уже разобрались! Осталось выяснить, где мне два миллиона взять на покрытие долга! – рявкнула Таня. «Какие нахрен два миллиона, дура, ведь тебе еще муж подарочек в полтора ляма сделал. Господи, даже если я органы свои продам, и то не хватит на все. Да и сколько у меня их там здоровых? Наверное, одни ушные раковины да ноздри! Молодец, Татьяна Петровна! Нет бы по профилю, психологом работать, сидеть спокойно, советы раздавать, людям помогать опять-таки. А сейчас что? Меня же посадят лет на пять, не меньше. Что делать, что делать?» – мысли вихрем неслись в голове.

Глава 5

Глаза Нины быстро бежали по строчкам письма, часто облизывая пересохшие от волнения губы, она пыталась осознать смысл прочитанного. «Уважаемая Нина Александровна! Сообщаю вам, что вы являетесь наследницей Прасковьи Андреевны Косиновой-Майер, скончавшейся 03.05.1888 года в имении Нагорское, Опушковского уезда, Псковской губернии, похороненной на кладбище города Доронич. По завещанию П. А. Косиновой-Майер вы являетесь наследницей усадьбы Свитино, Тверской области, Торжковского района. Для вступления в права наследницы Вам необходимо подать документы о правах вступления в наследство, обратившись к нотариусу по месту жительства. С уважением, помощник нотариуса Беляев Константин Георгиевич».

Далее шел перечень необходимых документов. На автомате дочитав последние строчки, Нина потеряла виски. «Какое наследство? Какая Прасковья Андреевна?» Взяв телефон и набрав номер мамы, Елены Владимировны, Нина была готова выслушать очередную тираду о том, как она, Нина, «скучно живет», и «где же очередь кавалеров?». Сама Елена Владимировна, благополучно выйдя замуж в семнадцать лет, превыше всего ценила семью, а особенно комфорт, который ей обеспечивал ее муж, Нинин папа – Александр Григорьевич. Но в этот вечер на небесах кто-то решил, что в жизни специалиста по социальной работе Ниночки Зайцевой очень мало приключений и чудес, и необходимо подкинуть еще парочку.

– Привет, мам как дела? Все хорошо? – протараторила Нина.

– Здравствуй, Нинулька, да, все прекрасно! Что-то случилось? – ощущалось ее хорошее настроение.

– Скажи, ты знаешь кто такая Прасковья Андреевна Косинова-Майер?

Молчание в трубке затянулось, и Нина почувствовала то ли напряжение, то ли волнение, которое она хорошо считывала с мамы, находясь даже на расстоянии.

– А почему ты спрашиваешь? Откуда ты вообще взяла это имя?! – нотки металла, так привычные для Нины с детства, проскользнули в голосе матери.

– Мне прислали письмо, где говорится, что я являюсь ее единственной наследницей. Мам, зря я тебя, наверное, побеспокоила, скорее всего, это чей-то глупый розыгрыш... – договорить Нина не успела.

– Все правильно... Седьмая девочка на веточке... – Елена Владимировна бормотала что-то несвязное.

– Мама! Какая девочка на веточке?! О чем ты? – неожиданно для себя Нина повысила голос.

– Не по телефону, я сейчас к тебе приеду, никуда не уходи!!! – в непривычном возбуждении крикнула мама и отсоединилась.

– Куда я могу пойти, двенадцатый час ночи? – но трубка уже противно запищала.

– Ты одна? – на ходу скидывая куртку, спросила мама. Модная стрижка и умело наложенный макияж в полумраке комнаты делали ее ровесницей дочери, ну, максимум старшей сестрой, – я останусь у тебя, папа все равно в командировке.

– Конечно! Как будто... – но Елена Владимировна ее перебила.

– Дай письмо, которое ты получила! – выхватив из рук дочери конверт и достав послание, она несколько раз перечитала его. Затем медленно опустилась на кресло и, кажется, стала вести внутренней диалог. Молчание затягивалось, в комнате как будто появился кто-то еще, невидимый, но опасности не представляющий, скорее, он просто был еще одним участником беседы.

– Может быть, ты все объяснишь, наконец! – Нина прервала ставшее невыносимым для нее молчание.

Поправив без того прекрасно уложенные волосы и расправив невидимые складки на не в меру короткой юбке, Елена Владимировна начала рассказ, и чем дальше он длился, тем большее удивление вызывал у Нины.

– Прасковья Андреевна действительно наша родственница. Ты ее прапрапра... внучка, ну, в общем, ты поняла! Эту сказку о седьмой девочке я слышала не раз. Мне её успела рассказать твоя прабабушка – Татьяна Андреевна, а той – её прабабушка – Наталья Петровна, которая и была дочерью Прасковьи Андреевны. Понятно? – Елена Владимировна выжидательно посмотрела на дочь.

– Да... то есть, нет, ничего пока не понятно! При чем здесь я?

– Ты и есть та самая седьмая девочка на седьмой веточке!

– Мама, пожалуйста, расскажи все по порядку! – Нина с мольбой в голосе обратилась к Елене Владимировне.

– Сейчас... Значит так! Прасковья Андреевна жила в усадьбе в Свитино, которая была приданым, полученным от отца, когда она вышла за немца Фридриха Майера – архитектора. На момент случившихся событий у них были две дочери-близняшки – Наталья и Елена, им, кажется, было лет десять. Как-то осенью в дождь к ним в дверь постучала женщина и попросилась переночевать. В руках у нее был сверток с ребенком. Но Прасковья, отличавшаяся на редкость твердым и жестким характером, прогнала незнакомку с ребенком ночью. Тогда непрощенная гостья сказала: «Все, кто в доме – выйдут отсюда и больше никогда не зайдут. Все, что в доме – останется в нем. Ключник в нем отныне сидит, никому войти не велит. Одна из двух останется в нем навсегда. Открыть и войти в дом сможет только девочка, которая будет сидеть на седьмой веточке. Будь по-моему!». Женщина бросила на порог мешочек и ушла.

Как не искали потом её, найти не смогли. А в доме стала твориться чертовщина. К следующему вечеру двери дома закрылись, и никто из домашних не мог войти внутрь. Но не это самое страшное: внутри дома осталась Елена, дочь Прасковьи и Фридриха. Кузнец, работавший в усадьбе, попытался сломать замок, но ничего не получилось, а через несколько дней он умер. Семья переехала в другой дом. Также говорили, что Прасковью стали мучать видения: будто к ней приходила эта мертвая женщина с младенцем, и Елена, которая просит выпустить её из дома. Майер стала обращаться к местным бабкам-знахаркам. Те, поначалу, привлеченные большим вознаграждением, охотно шли снимать заговор, что-то шептали, брызгали водой, читали молитвы, но все было зря. Несколько крепостных еще раз попытались открыть дом, но их постигла та же участь, что и кузнеца. К дому стали бояться подходить. Прасковья стала часто ходить в церковь, просила совета у настоятельницы. Она посоветовала ей пригреть сироту, возможно, тогда станет легче. И правда, семья взяла себе на воспитание осиротевшего мальчика. Как-то гуляя с ним по лесу, Прасковья встретила старуху, которая сказала, что предсказание вспять не повернуть, что за её грех расплачивается её дочь, душа которой останется в доме с ключником. Но освободить душу Елены сможет девочка, родившаяся в седьмом поколении. И что дом очистить от проклятья сможет только она, а до этого времени дом для всех будет закрыт. И ни в коем случае никто из потомков до седьмого колена не должен подходить к усадьбе. Так Прасковья Андреевна составила завещание, надеясь, что девочка на седьмой веточке поможет её дочери обрести покой.

– Какой ужас, неужели все это правда? – Нина не могла поверить рассказу матери.

– Нинуль, прошло сто с лишним лет, возможно, историю могли исказить, но факт остается фактом – завещание существует. И ты – наследница Прасковьи. Честно, я никогда не верила в эту сказку до сегодняшнего дня. Разумеется, я не видела усадьбу, так как по преданию старуха из леса запретила туда подходить.

– Ну, допустим, в порядке бреда, что все это правда! Как, как я смогу освободить душу Елены? Я не медиум, не экстрасенс, я обычный специалист по социальной работе. Из всего

сверхмогущественного, я знаю сто двадцатый федеральный закон о беспризорности и безнадзорности, и Отче наш, и то, не до конца! – Нина уставилась на мать.

– Честно? Я не знаю и не представляю. Но считаю, что тебе необходимо хотя бы просто съездить и посмотреть на этот дом! – Елена Владимировна улыбнулась и лукаво подмигнула дочери, – а теперь давай спать. Как там говорят? Утро вечера мудренее!

– Да, завтра все обдумаю на свежую голову, – проговорила Нина, потягиваясь и ощущая во всем теле непонятно откуда взявшуюся энергию.

Глава 6

«Надо же, – думала Нина – как я оказалась на концерте Земфиры? Вроде билет не покупала, и Таньки рядом нет, и поет она как-то странно, как будто только один куплет повторяет, и все громче и громче...»

– Нинула, возьми трубку! – голос мамы ворвался в голову.

Резко открыв глаза и сев на кровати, она наконец-то сообразила, что звонит ее телефон. Из всех людей, которых ей не хотелось видеть и слышать с утра, Иннокентий Харитонович, безусловно, занимал лидирующие позиции.

– Зайцева! Придешь на работу, сразу ко мне! Опоздаешь хоть на минуту, можешь сразу писать заявление: на твое место быстро замена найдется! – визгливый голос директора ввинтился в голову острым шурупом. Нина на всякий случай отодвинула трубку, помня о том, как в порыве гнева у шефа обычно в разные стороны летят слюни. Девочки шутили, что, скорее всего, они ядовиты.

– И вам доброго утра, Харитон Иннокентьевич, – Нина сообразила, что поменяла имя-отчество шефа местами, и попыталась исправить ситуацию, но директор её перебил.

– Разговор будет серьезный, Зайцева! – провизжала трубка и жалобно запищала.

Наспех выпив кофе, Нина попросила маму, если ей не трудно, купить им с Семеном продуктов, так как сама она была уверена, что обязательно про это забудет.

– Беги уже, а то опоздаешь к вашему Властелину кружков! – улыбнулась мама, когда Нина чмокнула её в щеку.

При упоминании прозвища Нина улыбнулась и сразу вспомнила, как оно появилось. Прозвище Властелин кружков приклеилось к директору после того, как случилось два события, казалось бы, не связанные между собой абсолютно. В прошлом году Министерство социальной защиты решило, что у специалистов очень мало работы, и они день-деньской скучают в праздности будней. В светлые головы начальства пришла мысль озадачить директоров «Центров Семья» и «придумать что-то полезное». Так, на бумаге появились множество кружков, которые никто не посещал, министерство «забыло» порешать вопрос финансирования. Сославшись на то, что «и самим вам не мешало бы подумать и проявить креативность», а они (начальство) «и так уже все за нас проделали», министерство умыло руки. А каждый специалист стал разрабатывать тематику будущего кружка. Так, на свет появились «Веселые шашки», совершенно не имевшие элемента веселья, «Увлекательное домино» без всякого увлечения, «Умные шахматы», ну, понятно без чего. Все настольные игры были торжественно принесены из дома; программы с целями и задачами прописаны; угрозами и угрозами, что никогда не снимут с учета как хулиганов, записаны в кружки подростки. Осталось защитить и утвердить программы. На защиту должны были приехать важные дамы из САМОГО МИНИСТЕРСТВА, которых Иннокентий Харитонович баловал в своем кабинете морепродуктами и сырокопченой колбасой, а чиновницы жеманно хихикали над его тухлыми шутками. Настал день икс! И на чем же подъезжает Иннокентий к работе? На автомобиле Ауди, выпущенном в восьмидесятых годах, а если вспомнить логотип марки, то это – четыре пересекающихся кольца. Увидев новое авто шефа, Регина Устегова закричала на весь кабинет:

– Девчонки, он приехал на какой-то развалюхе с кружками!

На что Лена Замалева, невозмутима сказала: «Это не кружки, а скорее кольца, а вообще, какие кружки – такая и машина. Властелин, кружков, блин!»

С тех пор прозвище Властелин кружков, намертво приклеилось к Иннокентию Харитоновичу.

Подбегая к работе, Нина в мыслях перебирала все возможные грехи в работе. «О чем он пронюхал? Может, увидел не заполненный журнал посещений кружков? Или забыла заполнить документы на семью? А может, не отправила горящее по срокам письмо? Да черт его знает! Ладно, сейчас все равно уже ничего не исправить, лишь бы недолго бушевал!» – рассуждала Нина.

– Доброе утро, Иннокентий Харитонович! Можно? – Нина заглянула в кабинет директора.

– Зайцева! Ты, похоже, вообще хорошего отношения к себе не помнишь? – начиная багроветь, директор перешел в диапазон ультразвука.

– А что случилось? – еще Нине очень хотелось задать вопрос, про какое хорошее отношение он говорит, но решила благоразумно промолчать.

– Ты почему вчера не пришла вымыть пол на цокольном этаже, а? Или ты думаешь, тебе просто так два процента надбавки к окладу придёт? – маленькие глазки шефа уперлись в Нину. Она с облегчением выдохнула: «Иннокентий Харитонович, я уже сказала вам, что не нужна мне эта прибавка, и пол я мыть не буду. Мы вам до этого говорили, что можно оформить Свету и платить ей одной, но нормальную доплату, она не против такой подработки. Вы ведь знаете, что её недавно муж бросил, она одна с ребенком, и с деньгами у нее швах.

– Я, я здесь директор! И я буду решать: кому мыть пол, и сколько, и кому платить! А если тебя Зайцева что-то не устраивает, то я тебя не держу! – последняя стадия гнева не заставила себя ждать, и слюни полетели в разные стороны.

– Отлично, значит, я увольняюсь! Это лучше, чем терпеть ваш климакс, и противные слюни, которые летят во все стороны! Достали! – Нина быстро схватила бумагу, и пока не пришло сожаление о сказанном, написала заявление. Бросив бумагу на стол шефа, отправилась собирать вещи.

– Да что ты о себе возомнила! Кому ты нужна... – вопли шефа летели по коридору, но для Нины они уже значили не больше, чем скрип двери.

– Доброе утро, девочки! Я уволилась! – проговорила Нина, все еще не веря в то, что сделала.

Девчонки стали наперебой задавать вопросы, Нина отвечала и думала о том, как легко ей стало, как будто выкинула тяжелый, ненужный груз, и удивление – как долго она терпела все неадекватные выходки шефа. Собирать особо было нечего – несколько сувениров, подставка для ручек, которую она купила сама, пара личных книг, теплая кофта на холодное время и обувь на смену. Вот и все. Девочки что-то говорили о том, что, может, она передумает, извинится, что она хороший специалист и без нее все будет не так. Но вдруг она ясно поняла, что если сейчас не уйдет, то не произойдет чего-то важного в ее жизни, и она повернет не туда. В голове все еще перемалывалась «мысленная жвачка» разговора с шефом, но в душе была уверенность от правильно принятого решения. Попрощалась с девочками, заверила их, что, как и прежде, она будет с ними видаться, ходить по кафешкам и поздравлять с днями рождения. Зашла к секретарю, подписала подготовленный приказ об увольнении, и, забрав трудовую, вышла на улицу, где приятно грело солнце и дул легкий ветерок.

– Попутный! – улыбнулась Нина.

– Сейчас всего десять утра, а я уже свободна! Свободна от всего! Чем полезным сегодня заняться? Может сходить в кино или в парк? Ну и мысли мне в голову лезут! Пять минут назад я потеряла работу... Впрочем, почему это потеряла? Я вполне здраво, как любая нормальная девушка, психанула на волне эмоций, и теперь меня, похоже, догоняют сожаления и досада от сделанного поступка. Я осталась без работы, и это факт. Денег в запасе только чтобы прокормить себя и Семена – на неделю, ну ладно, пусть я получу компенсацию за не отгулянный отпуск, то еще три недели. А, будь что будет! И нечего сожалеть о том, что какой-то болван

перестанет вытирать об меня ноги, тоже мне, Властелин кружков, – Нина удивлялась беспечности собственных мыслей и новому, доселе неизведанному чувству авантюризма, которое так и толкало ее вперед. Так, авантюризм дотолкал Нину до дома. Открывая дверь, Нина вспомнила о том, что просила маму сходить в магазин.

– Нина, ты чего так рано! – удивленно воскликнула мама, выглядывая из кухни, вытирая руки полотенцем.

– Мам, я уволилась! – Нина снимала ботинки.

– Ну и правильно, я тебе давно говорила, чтобы ты бросала эту дурацкую работу! Хочешь, мы с папой купим тебе путевку куда-нибудь на море, сейчас потрясающая погода на Кипре, а? Отдых, новые впечатления... Роман закрутишь, м-м-м, красота, – мечтательно вздыхая, Елена Владимировна прижала кухонное полотенце к груди и даже зажмурилась от удовольствия.

– Море это, конечно, классно, но я подумала, а может мне съездить в усадьбу, посмотреть, что там и как? – Нина выжидательно посмотрела на мать, хотя для себя она уже все решила.

– А что? Действительно! Так, сегодня ты еще успеешь к нотариусу, оформишь документы, ключи от машины я тебе дам... А ты не испугаешься одна туда ехать, может с тобой прокатиться?

– Я позвоню Таньке, возможно, она со мной съездит.

– Ну что, седьмая девочка на седьмой веточке, пошли, попьем кофе, а потом за дела? – Елена Владимировна обняла дочь и чмокнула ее в щеку.

В приемной сидел черноволосый долговязый молодой человек с заостренным, как клюв у вороны носом, одно его ухо было сильно оттопырено. На вороньем носу сидели очки, было видно, что они с сильными диоптриями. Разбирая кучу бумаг, он, вероятно, не услышал, как Нина вошла в приемную. Поэтому, когда она поздоровалась, молодой человек от неожиданности подпрыгнул на стуле, поскользнулся, и, падая, инстинктивно зацепил рукой лампу, которая последовала за ним на пол с невероятным звоном и грохотом, но, к великому удивлению Нины, никто из них не разбился – ни парень, ни лампа.

– Извините, я не хотела вас напугать! С вами все в порядке, может быть, помочь? – пока Нина наблюдала за тем, как все возвращается на места, молодой человек представился и начал попутный рассказ о себе.

– Ничего страшного! Все в порядке, просто я не услышал, как вы вошли! Я иногда так увлекаюсь работой, что перестаю что-либо замечать... Алексей Сергеевич, мой начальник, купил мне эту небьющуюся лампу, три предыдущие я тоже, совершенно случайно, разбил. И кружку он мне принес пластмассовую, сказал, что надо бы металлическую, она надежнее, но сейчас в магазинах таких не продают... Ой, извините, что-то я совсем разболтался. Я – Константин Георгиевич, помощник нотариуса. Вы по какому вопросу?

– Значит, это вы отправили мне письмо, – Нина достала послание и протянула Константину.

Поправив очки, Беляев стал внимательно читать. Затем, ничего не говоря, зашел в соседний кабинет с табличкой «Коврин Алексей Сергеевич. Нотариус». Непонятное бурчание доносилось из-за закрытой двери, но как Нина не вслушивалась, ничего не могла разобрать. Наконец, бухтение прекратилось, Константин вышел из кабинета.

– Нина Александровна, проходите, пожалуйста, Алексей Сергеевич готов вас принять, – спотыкаясь о компьютерные провода на полу, Константин относительно благополучно добрался до своего рабочего места.

Нина постучала по филенке двери, и, не дождавшись ответа, прошла в кабинет. Высокие шкафы книг тянулись от пола до потолка, пахло пылью, мятой, и еще какими-то травами. В кресле сидел старичок, по виду лет ста, не больше, с удивительно синими не по-стариковски живыми глазами. Проворно подскочив, он подбежал к Нине.

– Здравствуйте, голубушка! Вот вы и пришли! Я давно вас ждал, чрезвычайно рад встрече! Знаю, знаю вашу историю. Ещё мой дед мне рассказывал об удивительном завещании. Итак, приступим к процедуре оформления. Все документы с собой? – он еще что-то говорил, но Нина перестала слушать. Она никак не могла сопоставить образ старого нотариуса и его молодежливую ловкость, как будто он позаимствовал её у своего помощника Константина, отдав ему свою стариковскую неуклюжесть. «Может спортом человек всю жизнь занимался, отсюда и тонус, и бодрость. Мне бы тоже не мешало начать утренние пробежки, а то буду через пару лет как бедный Константин о свои ноги запинаться и падать при любом удобном случае» – думала Нина.

– Нина Александровна, приступим? – нотариус выжидательно посмотрел на нее, выдерживая из посторонних размышлений.

– Да, конечно, Алексей Сергеевич, – Нина улыбнулась, но на душе отчего-то поселилась тревога.

Когда все формальности были улажены, Алексей Сергеевич подбежал к сейфу и, долго перебирая бумаги, повторял себе под нос «Где же? Где же?», наконец, отыскав необходимое, подбежал к Нине. В руках он держал чудную шкатулку из зеленого камня с необычным плетением в виде виноградной лозы, проходящей через всю поделку, а в месте, где должна была быть замочная скважина, располагалась маленькая гроздь винограда, сделанная из черных камушков.

– Вместе с документами я должен был передать вам эту шкатулку. Обратите внимание, что она опечатана, и распишитесь, что получили вещь в целостности и сохранности.

Действительно по краям шла пломба с датой.

Подписав необходимые документы, Нина собиралась попрощаться и уйти, но, остановившись на пороге, спросила:

– Алексей Сергеевич, вы сказали, что слышали историю моего завещания. Вы могли бы мне поподробнее рассказать, все, что знаете, если вас не очень затруднит? – Нина, действуя, скорее автоматически, попыталась открыть шкатулку, но ничего не получилось. Шкатулка, оказавшаяся в руках Нины, неожиданно стала ледяной и будто тяжелее?

Алексей Сергеевич, до этого внимательно наблюдавший за действиями Нины, стал сосредоточено переключать бумаги с места на место, затем схватил лейку и стал поливать пальму, попутно включая электрический чайник. У Нины замельтешило в глазах, было ощущение, что по кабинету стали передвигаться два, нет, три нотариуса одновременно.

– Если вам некогда, то... – начала было Нина, но громкий голос старика прервал её, хотя меньше всего его можно было назвать стариком.

– Ну что вы, голубушка, просто собираюсь с мыслями... – наконец закончив суету, Алексей Сергеевич приземлился в кресло и внимательно посмотрел на клиентку, – все, что я знаю, в одинаковой степени может быть вымыслом, а может быть и правдой. Усадьба, доставшаяся вам, имеет странную судьбу. Туда, действительно, никто не мог войти с тех пор, как было наложено заклятье. Возможно, вы уже слышали, что всех, кто пытался проникнуть внутрь, постигла незавидная участь. Вероятно, вам повезет больше, а может быть, вы найдете ответы в этой шкатулке? В любом случае, будьте осторожны, милая барышня! – легкая дрожь пробежала по телу Нины под его пристальным взглядом.

– Спасибо, Алексей Сергеевич, я, пожалуй, пойду, не буду вас больше отвлекать! – сердце Нины бешено стучало.

Выйдя из кабинета, она наткнулась взглядом на Константина, который в очередной раз увлеченно изучал документы. Помня о неприятном опыте, когда бедняга свалился на пол, Нина предусмотрительно покашляла.

– О, вы уже закончили?! Все в порядке? Если, у вас появятся какие либо вопросы по поводу наследства, вы можете обратиться за консультацией. Сейчас я только найду

визитку... – Константин попытался резво подскочить со своего кресла, не переставая жестикулировать? Нина хотела сказать, что, вообще-то, ей все понятно, и вряд ли нужна консультация, но Константин так хотел услужить, что ей стало неловко прерывать его. А зря. Сделав пару шагов от стола, правая нога Константина каким-то невероятным образом оказалась в мусорном ведре.

– Господи, да что же это такое? Давайте я вам помогу! – Нина попыталась снять ведро, но оно сидело на ноге, как родное.

– Не беспокойтесь! Так уже было, я просто расшнурую ботинок и сниму вместе с ведром, вот и все! – добродушно улыбаясь, Константин протянул визитку, – звоните, если понадобится помощь. Ну... или просто так! – смущенно добавил он.

– До свидания, Костя! И будьте аккуратнее! – Нина удивленно посмотрела на него, но визитку взяла.

Глава 7

– Привет, Танюш! Как дела? Слушай, мне так много надо тебе рассказать! – Нине натерпелось поделиться новостями с подружкой.

– Нин, знала бы ты, скольким я хочу с тобой поделиться! – в голосе подружки звучало непривычное отчаяние.

– Давай через пятнадцать минут в нашей кафешке? Сможешь сбежать с работы? – придерживая телефон плечом, Нина открывала машину.

– Ой, Нин, мне, похоже, сейчас только и остается, что бежать! И чем быстрее и дальше, тем лучше! – тяжелый вздох вырвался из груди Татьяны.

– Тань, что-то серьезное? – Нина настороженно вслушивалась в речь Татьяны и не узнавала эти пессимистические нотки.

– Давай не по телефону, я сейчас подъеду и все расскажу, идет?

Подруги сидели в маленьком кафе за столиком у окна. Каждый раз, они вспоминали, как бежали сюда, будучи еще студентками психфака, когда прогуливали лекции по невероятно нужной для психологов дисциплине «математические основы квантовой механики». Никто с курса не понимал эти основы, многие из них не всегда могли точно вспомнить столбики примеров из таблицы умножения, которые шли после цифры пять, поэтому освоить математические, а так же любые другие основы квантовой механики не представлялось возможным, но посидеть в приятно пахнущем корицей и свежесваренным кофе месте вся группа будущих психологов всегда была «за!». Невероятно трудная дисциплина закончилась экзаменом, на котором красноносому и всегда благожелательно настроенному преподавателю, кандидату каких-то межпланетарных наук, торжественно вручили бутылку коньяка и, к обоюдному облегчению, расстались довольные друг другом.

Когда девушки закончили обмениваться новостями, повисла пауза, нарушить которую решила Нина.

– Тань, слушай, поехали со мной вместе в эту усадьбу, а? Честно, мне одной не по себе туда ехать. А ты спокойно поразмыслишь над своей ситуацией, и вообще, обе эти твои истории с деньгами какие-то странные, тебе не кажется? – Нина старалась корректно промолчать о муже подружки, которого всегда считала мелким гадёнышом и прихлебалой, но ей, разумеется, лишний раз об этом не говорила.

– Да знаю я, что все это как-то подозрительно... Сама уже сто раз об этом думала. Ужас какой-то: Толик, со своими «благими намерениями», да и подстава с этим моим долгом... Может, ты и права Нин, взять да уехать, а там будь что будет! Разберусь на свежую голову, кто ж меня так подставил, – вздохнула Татьяна и принялась допивать кофе.

– Вот и решили! Значит, завтра с утра выезжаем. Сегодня спокойно соберемся. Толику и свекрови своей скажи, что в командировку отправляешься, я думаю, они не удивятся, машину можешь оставить в гараже у моих родителей, а утром я за тобой заеду, – Нине очень захотелось отвлечь подружку от грустных мыслей, и еще она поймала себя на том, что испытывает чувство неловкости, что на нее свалилось наследство, а на Татьяну куча неприятностей. Как не уговаривала она себя не мучиться этим противным чувством неловкости, ничего поделать с этим не могла.

– Нин, я тут со своими проблемами и даже не сказала, что очень рада, что ты получила такой неожиданный подарок. Слушай, это прямо приключение какое-то, правда? Усадьба, завешание, шкатулка... – проговорила Татьяна, словно подслушав мысли подружки, и в ее глазах зажегся такой привычный для Нины огонек азарта, – всё-таки цыганка права была на счет

изменений. Я не удивлюсь, если мы с тобой, два психолога, переквалифицируемся в охотников за привидениями! – и Татьяна хитро подмигнула подруге.

Нина ходила из комнаты в комнату, и гора вещей, которую она намеревалась взять с собой, казалось, росла в геометрической прогрессии.

– Так, еще раз пройдемся по списку, Семен Семенович! – Нина внимательно посмотрела на кота и принялась диктовать ему список, – теплые вещи, обувь, чайник электрический, посуда, постельное бельё, сумка-холодильник, швабры-тряпки...

Кот громко чихнул.

– Правильно, Сёма, я забыла про аптечку, какой ты у меня умница!

Продолжая сборы, Нина наткнулась взглядом на пакет в коридоре и тут же вспомнила, что в нем лежит.

– Как же я могла про неё забыть... – бормотала Нина, идя по квартире.

В руках девушки оказалась диковинная шкатулка, переданная нотариусом. Нина ощутила легкое тепло, исходившее от камня.

– Ну, что, дорогая моя, сегодня в кабинете этого странного Алексея Сергеевича ты не захотела открываться! Что же мне с тобой делать? Кот с жалостью уставился на Нину, весь его вид словно говорил: «Господи, бедная моя, докатилась! С коробочками разговаривает! Я-то ей хоть иногда мяукну... А что может этот кусок камня?» – и чтобы приободрить хозяйку, стал тереться пушистой башкой о ее руку.

– Должна же она открыться для седьмой девочки на седьмой веточке... – Нина без всякого труда подняла крышечку шкатулки, – вот это дааа! Семен, посмотри, какая красота!

Внутри лежал ключ, длинный, сантиметров пятнадцать, не меньше. «Бородка» ключа была выполнена в виде грозди винограда, казалось, прикоснись к ней, и она тотчас рассыплется по комнате. «Головка» ключа – виноградный лист со всеми прожилками и даже маленькой дырочкой, которую будто проделала какая-нибудь голодная букашка, а «шейка» ключа – тугая виноградная лоза, витиевато соединяющая его «бородку» и «головку». Нина смотрела на ключ и не могла налюбоваться: холодный металл удивительным образом в её руках излучал ровное тепло, а еще что-то неуловимо-таинственное исходило от него, как будто ключ доверился ей и собирался открыть еще немало тайн. Вдоволь налюбовавшись ключом, девушка аккуратно положила его в шкатулку, интуитивно догадываясь, что лучше лишний раз его никому не показывать и, по возможности, держать его около себя. Разложив все по чемоданам и еще раз мысленно пройдясь по списку необходимого, Нина внимательно посмотрела на кота, прикидывая, как бы сообщить неожиданную для него новость.

– Семёнич, знаешь, похоже, тебе придется отправиться со мной в усадьбу. Не переживай, я думаю, что тебе очень даже всё понравится! Деревья, птички, мышки... Кот одарил Нину самым презрительным взглядом, давая понять, что мышам пусть она сама радуется, а он привык к отварной курице и говядине.

– Ладно, не расстраивайся, мы ведь ненадолго... И обещаю, что захвачу твои любимые куриные грудки!

Встав пораньше, Нина привела себя в порядок, наспех выпила кофе, и, подхватив сумки и переноску с котом, спустилась к машине. Солнечное утро придавало настроения, а радость от того, что не придется начинать день со встречи с бывшим директором, прямо-таки наполняла её энергией. Подруга ждала её недалеко от своего дома, как они и условились, дабы не вызывать лишних подозрений у родственников. Татьяна была одета в красный спортивный костюм, который подчеркивал её фигуру, волосы стянуты в конский хвост, а отсутствие макияжа делало ее удивительным образом лет на пять моложе. Встретив Нину, подруга задорно рассмеялась: «Да мы просто, как из инкубатора!» На Нине красовался точно такой же костюм, отсутствие макияжа, и прическа а-ля конский хвост.

– Я вспомнила сегодня про этот костюм, мы же вместе их покупали, кажется, была акция «купи один – получи второй в подарок». Помнишь, нам еще не хотели давать твоего размера?

– Да! Продавец еще странная была, вы, говорит, рукавчики подверните, и штанишки закатайте, и нормально будет, а то, что по ширине велик, так это даже лучше – на вырост, – вспоминая историю, подруги укладывали вещи в багажник.

– Ну, всё, кажется, влезло! Осталось заехать в магазин за продуктами и можно отправляться в путь! – Нина захлопнула дверцу багажника.

Глава 8

– Нин, ты только посмотри, какая красота, какая громадина! Три этажа, эркеры, балкончики, галереи! Ты как барыня, только крепостных не хватает! – находя по старым следам тропинку и подходя к дому, Татьяна не переставала восхищаться усадьбой, – мне кажется, даже штукатурка белого цвета, и то сохранилась. А окна? Они все целые, арочные рамы, посмотри, как новые! Заяц, ты чего молчишь, обалдела от красоты?

Не торопясь с ответом, Нина прислушивалась к себе и своим ощущениям. Ей как будто всё уже здесь было знакомо, даже запах. Чуть сладковатый и влажный, состоящий из букетов леса, именно этого леса, различимый аромат лесных орехов, грибов, листвы, чуть прелой, горьковатой, цветочного разнотравья, запаха теплой коры деревьев и ветра, который больше нигде не гуляет, кроме этого леса, потому что здесь его дом. Нина смотрела на окна и видела чуть заметную дымку на втором этаже дома, она перемещалась от окна к окну, как будто плыла. Невидимая сильная рука перехватила дыхание Нины. Усилием воли Нина заставила себя отвернуться от окон, понимая, что вскоре должно что-то произойти, но вот что именно?..

– Тань, давай сначала дверь откроем, а потом вещи перетащим... Ой! Семена Семеновича надо выпустить! – спешно подхватившись, Нина вернулась к машине и достала переноску. – Ну, что, мой хороший, вот ты и на месте: осматривай владения и, очень тебя прошу, постарайся не потеряться!

Кот ловко выпрыгнул на лужайку, с удовольствием потянулся, и, зажмурившись от солнышка, кажется, впал в кошачью нирвану. Но как только Нина направилась к дому, он тотчас последовал за ней, не отступая ни на шаг.

Нина прекрасно знала, для чего нужен ключ, находящийся в шкатулке, и ни минуты не раздумывая достала его, в очередной раз залюбовавшись красотой и оригинальностью исполнения. Но подходя ближе к двери, сердце Нины часто-часто забилося, дыхание перехватило, а ключ, кажется, становился раскалённым и нестерпимо жёг руку. Послышался странный шепот, сначала неразборчивый, глухой, доносящийся как из-под земли, затем все более отчетливый. Нина стала различать отдельные слова: «Двери, закройтесь... Никого не будет... Никто не откроет... Заперто дитя...». Она понимала, что это и есть проклятие женщины, пришедшей ночью на порог барского дома. Голова кружилась, подступала тошнота, страх начал медленно сковывать все тело. Заклятье действовало на пороге дома, мешая открыть дверь, как будто несколько невидимых рук мешали ей вставить ключ в скважину, слова подруги Нина не различала, будто находилась с ней в разных мирах. Вдруг стало немного легче, чужие руки, сковавшие движения, ослабели, Нина перевела взгляд вниз и в плотном тумане, который её окутывал, увидела Семена. Шерсть топорщилась в разные стороны, глаза не мигая смотрели сквозь Нину, спина изогнулась, тельце животного напряглось готовое в любую секунду броситься на защиту хозяйки. Доли мгновения хватило Нине, чтобы вставить ключ в замочную скважину и повернуть его. Механизм неожиданно легко поддался, последнее, что запомнила Нина перед тем, как упасть в обморок, огромную лесенку, на которой стояла девочка...

Дождь хлестал в лицо – противный, холодный, зонт не помогал от него защититься, Нина старалась увернуться, щеки чувствовали боль то ли от дождя, то ли от напряжения. В голове крутились нестройным хороводом мысли о том, зачем она в такую погоду вообще вышла на улицу? Откуда-то издалека Нина услышала голос подруги, и почувствовала весьма ощутимые удары по щекам:

– Заяц, очнись! Очнись, ну, пожалуйста!

– Все, все, перестань! А то ходить мне с синей физиономией, как у моих бывших подопечных... – Нина открыла глаза, и попыталась сесть, но отчего-то пол и потолок стали очень

быстро меняться местами, и Нина решила еще немного полежать на полу, посчитав, что потолку и полу будет от этого спокойнее. – Что произошло?

– Ой, Нин, это жуть какая-то! Ты подошла к двери, хотела открыть дверь, но тут тебя как затрясло, ты бормотать что-то начала, я тебе говорю, а ты как будто не слышишь, руки-ноги дрожат, ключ в скважину вставить не можешь! Потом к тебе Семенчик подбежал, весь как шапка меховая распушился, трется о твои ноги, смотрю, ты ключик вставила, открыла дверь, и тут же в обморок упала, я к тебе подбежала, стала водой поливать, по щекам бить...

Дрожь и тошнота постепенно стали отпускать Нину, и она смогла осмотреть холл. Хорошо сохранившийся пол, обои цвета перспелой вишни с растительным узором, добротные ковры на полу, тяжелый стол, покрытый бархатной скатертью изумрудного цвета, картины в тяжелых рамах – все это говорило об основательности и вкусе прежних обитателей дома. Лесенка, ведущая на второй этаж, кажется, так давно ждущая гостей, звала, привлекая внимание своими необычными перилами, выполненными в виде виноградных лоз.

– Ух, Нин, какая красота! – Татьяна, видимо, также обалдевшая от увиденного, крутила головой, как сова на все триста шестьдесят градусов, и ухала примерно так же. – Ух ты, посмотри! А лесенка – это же произведение искусства!

– Лесенка! Где девочка?! Куда она делась?! – Нина вспомнила худенькую девчущку, стоящую на лесенке и тянущую к ней руки. – Куда она ушла?

– Ты чего, Нинулька? Какая девочка, здесь никого не было, когда я вбежала вслед за тобой! – Татьяна машинально положила руку на лоб подруги, проверяя температуру. – Нин, ты чё, правда кого-то видела?

Нина утвердительно мотнула головой, прикидывая, сильно ли расстроятся её родители, узнав, что у дочурки поехала крыша, и кто, кроме Таньки, захочет с ней общаться после этого. Затем мысли потекли в другую сторону. Нине подумалось, что зря она вообще в это все ввязалась, поверила цыганке-гадалке, маме с её дурацкими семейными легендами, сидела бы себе сейчас на работе, учила людей, как жить надо, а вот теперь... Нина, наверно, ещё долго могла бы заниматься самобичеванием, но Танькин голос прервал процесс самоедства на самом интересном месте.

– Так ты что, получается, Елену увидела?! – Танин голос задрожал от волнения, и, кажется, в нем читались нотки неподдельного страха. – То есть что это получается, здесь привидение ходит, дух той маленькой девочки?!

– Получается... – Нина с осторожностью посмотрела на подругу, прикидывая в уме, кто их отсюда двух сумасшедших будет вывозить, а главное, куда?

Со страхом посмотрев друг на друга, они, не сговариваясь, быстро подскочили и на максимальной для барышень их возраста и физподготовки скорости выбежали из дома. Отбежав от усадьбы, как им показалось на безопасное расстояние, обе сели на подобие скамейки, стоявшей под раскидистым деревом. Тут же, откуда ни возьмись, материализовался Семенчик, и важно распушив хвост, уселся с девчонками для обсуждения дальнейших действий.

– Нин, то есть все это правда, что-ли, про проклятье, про девочку, запертую в доме? – Татьяна выжидательно посмотрела на подругу, очень уж ей не хотелось слышать положительный ответ.

– Видимо, да... Тань, я на самом деле её видела, а еще слышала проклятье, которое говорила та женщина, ну, которую ночью моя прабабка не пустила. – Нина ковыряла носком кроссовки землю, и сама не верила в сказанное ею. Очень уж как-то это все не вязалось с её обыденной жизнью, в которой ничего сверхъестественнее, чем появление на небе радуги, не происходило.

– Давай, уедем отсюда? – Татьяна выжидательно посмотрела на подружку. – Мне как-то жутко.

– Если честно, мне тоже не по себе, но та девочка... Как ты думаешь, её душа уже свободна? – Нина не верила в то, что говорила, удивляясь сама себе.

– Не знаю, но чувствую, что если мы останемся, ничего хорошего не произойдет! Давай собираться, закрывай дом, я заберу Сеньку, и домой, а там что-нибудь придумаем, как жить дальше! – Татьяна решительно поднялась, и направилась к машине. – Нин, поехали, а?

– Да, наверное, ты права, поехали. Сейчас, только закрою дверь – и в город...

Глава 9

Ключ лежал в кармане спортивных брюк, и даже через ткань Нина почувствовала исходящий от него холод. Достав ключ, она увидела, что один из листочков на головке ключа стал зеленым, потерев и проверив, что это не грязь, у Нины в который раз за день закружилась голова. Опасливо подходя к дому, она мысленно настраивала себя, что ничего страшного не происходит, и это, скорее всего, просто какая-то легко объяснимая химическая реакция, о которой она не подозревает, так как родилась чистым и невинным гуманитарием, а химия для нее с родни волшебству и магии. А магии и волшебства не бывает... На этой оптимистичной ноте, открыв дверь дома, Нина встретила взглядом с маленькой Еленой, которая чуть заметно ей улыбалась. Собрав всю волю в кулак и захлопнув дверь с другой стороны, она опрометью бросилась к поджидавшей её в машине Татьяне, и с криком: «Тань, вези меня к психиатру!» – уселась на переднее сиденье.

– Почему мы не едем?

– Нин, тут такое дело, понимаешь... Машина не заводится... – голос Татьяны звучал отрешенно-спокойно, и сама Татьяна взволнованной не выглядела, но Нина прекрасно знала подругу и сразу поняла, что такое поведение – это затишье перед бурей. На некоторое время, забыв о том, что в очередной раз столкнулась с привидением, Нина начала лихорадочно соображать, чем и как успокоить подругу.

– Может, эвакуатор вызовем? Ты, главное, Танюш не волнуйся, я что-нибудь обязательно придумаю... – Нина погладила подругу по плечу.

– Я и не волнуюсь. А эвакуатор мы не вызовем, так как связи здесь нет, я проверила, – Таня отрешенно посмотрела в окно, расправила невидимые складки на брюках и медленно опустила голову на руль, – вот так все и закончится, мы сойдем с ума в усадьбе, или волки из леса придут и растерзают наши молодые и красивые тела, а я так и не успею побывать на Мальдиваааах... – Танька заплакала в голос.

– Я сейчас, Танюш, ты подожди... – со скоростью молодого зайца Нина метнулась к багажнику, и непрестанно беседуя с подругой, начала перерывать сумки, – вот, нашла!

В руках Нина держала две маленькие кружечки и пол-литровую бутылку коньяка, и палку сырокопченой колбаски.

– Я тут припасла на всякий случай, как чуяла, давай-ка, мы с тобой в терапевтических целях, как говорит мой папа «не пьянки ради – здоровья для!».

Разлив по кружкам коньяк, и пристроив колбасу на передней панели машины, подруги принялись упорно восстанавливать пошатнувшееся психическое здоровье.

Спустя некоторое время, девушки решили, что, как ни странно, обрели способность мыслить трезво и даже относительно спокойно.

– Нин, давай рассуждать так, если бы привидение хотело причинить нам вред, то, скорее всего, оно бы уже воспользовалось предоставленной ему возможностью, так? – Татьяна громко икнула, что нисколько не помешало строить ей логическую цепочку дальше, – значит, ему нужна помощь! Пральна, я говорю?

– Правильно! Тем более, в легенде сказано о том, что душу девочки надо освободить, и это должна сделать я! – Нина отважно ткнула себя кулачком в грудь, и поперхнувшись, закашлялась.

– Ты должна ей помочь! – Татьяна от души хлопнула подругу по спине, отчего Нина чуть не впечаталась в переднюю панель машины.

– Согласна! – то ли от принятого решения, то ли от приличных доз коньяка, но в душе Нины вдруг потеплело, и поселилась уверенность, что все будет хо-ро-шо, – так, все, решили-постановили, давай действовать! Перетащим, как и планировали, вещи в дом, осмотримся

и попробуем навести порядок хотя бы в нескольких комнатах, а как помочь Елене подумаем позже! – Нина с подругой на заплетающихся ногах вышли из машины и принялись носить скарб в дом.

Посоветовавшись, подруги решили занять каждая по комнате на первом этаже и попытаться навести порядок в кухне. Начали с комнаты, которую выбрала Нина. Эта была квадратных тридцати уютная комната с эркером, выходящим прямо в яблоневый сад, выполненная в бирюзово-голубых тонах. Камин, выложенный разноцветными изразцами, делал её уютной и создавал ощущение спокойствия. Открыв все четыре арочных окна, комната тот час наполнилась светом и воздухом и, как будто, задышала. Массивная кровать, застеленная парчовым покрывалом, туалетный столик, на котором лежала расческа с перламутровыми вставками, гребешок из слоновой кости... Все эти предметы создавали ощущение, что хозяйка будучи просто вышла из комнаты и вскоре вернется, чтобы поправить волосы или сесть почитать книгу в высоком атласном кресле бирюзового цвета. Девушки по мере сил отодвигали мебель, тщательно протирая дубовый паркет, который, наверное, все еще помнил шаги своих хозяев. Сдернув занавески и убрав с кровати все постельное бельё, они ощутили, насколько легче стало дышать, и как дом откликается на их старания. Приведя в божеский вид комнату Нины, девушки вышли в сад, и, заметив беседку, отправились к ней.

– Нин, из меня весь хмель вышел! Прямо чувствую, как делаю уборку, и легко становится, хорошо, что никуда не уехали! Красотища какая! – Таня с удовольствием потянулась.

– Сейчас доделаем уборку и кофейком побалуемся! – Нина вытянула гудящие от напряжения ноги и подставила лицо солнышку.

– Вот люди делали – все на века, водопроводом сто лет не пользовались, а он работает, а у меня дома, что не неделя, то сантехник в грязных ботинках на кухне топчется! – Татьяна беззлобно ворчала, теребя в руках головной платок.

– Ты чего, про Толика своего вспомнила? – догадалась Нина.

– Угу... Как он там без меня? Наверное, переживает, что дозвониться не может, да? – подруга с надеждой посмотрела на Нину.

– Конечно, Тань! Ну, мы поищем, где сеть ловит, и ты ему обязательно позвонишь! – Нина отвела взгляд, мысленно ругая себя за слабый характер, за то, что никак не откроет подруге глаза на её мерзкого Толика, который так удобно устроился на шее у Татьяны.

– Ну что, за работу? Пора и твою спальню почистить! – Нине поскорее захотелось сменить тему и постараться отвлечь подругу от грустных мыслей.

Взяв ведра и тряпки, которые они побросали на улице, девушки пошли наводить чистоту в Таниной комнате. Это была чудесная (не меньше, чем у Нины), просторная и такая же светлая комната с прекрасным камином. Подруги решили, что при жизни хозяев, она, вероятно, служила комнатой для гостей. Огромная, выполненная из массива дерева кровать, симпатичное, даже кокетливое трюмо, два комода с резными фасадами, большой письменный стол и уютное кресло-качалка, в которое Татьяна тут же захотела забраться, отвергая все призывы подруги очистить его от пыли.

– Нинка, я о таком кресле, может, всю жизнь мечтала – это же полный кайф! Туда-сюда, туда-сюда – и нервы в полном порядке, оно же лучше всякого успокоительного! Ну, сядь, попробуй! – Татьяна, не дожидаясь ответа подруги, запихнула её в кресло, и, поддав ускорения, чтобы Нина ощутила все удовольствие сразу, вероятно, не рассчитав сил, слишком сильно качнула мебель. В то же мгновение кресло перевернулось, погребя под собой так и не успевшую ощутить релакс Нину.

Оглушительный смех подруг покатился по дому, они не могли успокоиться несколько минут: стоило им посмотреть друг на друга, как новая волна хохота накрывала их снова и снова. Отсмеявшись и вытерев выступившие на глазах слезы, подруги уселись на пол рядом друг с другом.

– Ой, Нинка, я не помню, когда же так хохотала!

– А я-то, главное, приготовилась к обещанному релаксу, а тут такая подготовка к полету в космос! – Нина шутливо толкнула подругу локтем в бок.

Подтрунивая друг над другом, подруги завершили уборку в Татьяниной комнате и перешли к кухне, которая произвела на них неизгладимое впечатление. Помещение было темнее по сравнению с предыдущими, и отличалось мрачными тонами. Деревянные шкафы тянулись вдоль стен, вмещая в себя множество красивой посуды. Огромная печь-плита стояла в центре кухни, горделиво неся на себе сковороды, кастрюли, сотейники, турки для кофе и красавца-чайника литров на шесть, не меньше. Разделочные столы покрывал толстый слой пыли, но очистив их, девушки обнаружили, что дерево прекрасно сохранилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.